БЕЗЧЕСТЬЕ

Въ деревнѣ Журелейкѣ (названіе мордовское, по урочищу, а населеніе русское, какъ и въ сосѣдней Кармалейкѣ) живетъ мужикъ Михайло съ младшимъ и холостымъ еще братомъ Матвѣемъ. Михайло одинъ изъ тѣхъ разсудливыхъ мужиковъ, у которыхъ достаетъ только смыслу на то, чтобъ всякое дѣло не обсудить, а окричать, огорланить въ свою пользу, и стоять на этомъ; никакое здоровое, очевидно, прямое разсужденіе не убѣждаетъ ихъ въ томъ, чего они понять и знать не хотятъ. Попытайтесь, доведите такого мужика до разумнаго сознанія, что онъ не правъ: никакой очевидности и никакого терпѣнія для этого не достанетъ. Онъ выслушаетъ, что угодно, сто разъ съ–ряду, и сто разъ повторитъ опять свое же, тѣми же словами, съ тѣми же ужимками и съ тою же самоувѣренностью. Однажды

пришли ко мнѣ мужъ съ женою, по своему дѣлу, какъ они выражались. Баба затарантила, объясняя дѣло это, и, не слушая меня, ни возраженій моихъ, несла все свое. Я тотчасъ увидѣлъ, что эта была баба именно того разбора, какъ камарлейскій Михайло, да сверхъ того еще и баба, съ которою ужь и вовсе нельзя столковать. Угомонивъ ее и спросивъ, за однимъ ли они дѣломъ пришли, я велѣлъ ей молчать вовсе, а говорить мужику. Этотъ оказался толковымъ, разсказалъ все въ порядкѣ и, выслушавъ, почему никакъ нельзя было сдѣлать того, чего они просили, понялъ дѣло и убѣдился, что я ихъ разсудилъ по правдѣ. «Понялъ?» спросилъ я. — «Понялъ, батюшка». — «Ну, такъ поди же, растолкуй при мнѣ и бабѣ своей, чтобъ и она поняла». Онъ принялся толковать по–своему, а я слушалъ съ любопытствомъ, отвернувшись и не показывая виду, что слушаю. «Какъ–то онъ ее убѣдитъ?» Не успѣлъ я подумать это, какъ по–неволѣ оглянулся, потому–что убѣжденіе дошло до рукопашной: мужикъ

ткнулъ хозяйку свою въ шею, вышедъ изъ терпѣнья, и они, молча, раскланявшись, вышли. Этотъ отчаянный, послѣдній доводъ, къ–сожалѣнію, одинъ только и убѣждаетъ такого мужика, какова была эта баба; послѣ такого доказательства, онъ еще, пожалуй, поклонится и поблагодаритъ за науку.

Михайло задумалъ женить брата Матвѣя, которому онъ былъ замѣстъ отца. Оглядываясь туда–сюда за невѣстой, Матвѣй назвалъ брату Дуньку Егорову, изъ сосѣдней Кармалейки. «Ну что жь? Егорову, такъ Егорову», молвилъ тотъ, и затѣмъ считалъ дѣло конченнымъ; надо было только съѣдить въ Кармалейку къ Онисиму Егорову и засватать дѣвку. Михайло былъ гораздо–позажиточнѣе Онисима, а потому ему и на умъ не шло, чтобъ тутъ волѣ его могла быть какая помѣха. Покуда онъ еще собирался въ Кармалейку, ему случилось встрѣтить Онисима въ Ардатовѣ, на базарѣ. Перемолвивъ съ нимъ тутъ же объ этомъ дѣлѣ, онъ поладилъ: 38 руб. ас. столовыхъ

или на столъ, да четверть ржи; на пропой: ведро браги, четверть ведра вина, ржаныхъ и пшеничныхъ пироговъ на полтинникъ; вѣнчать въ селѣ Куфендеевѣ, а брачному столу быть у жениха же, рублей на 50 ас. За все это Егоровъ отдаетъ дочь, съ приданымъ по–мѣрѣ отцовской любви своей, но обязанъ, при съѣздѣ на базарѣ въ Ардатовѣ, угостить виномъ родственниковъ Михайлы, всего на восемь косушекъ, и купить всѣмъ по калачу; а невѣста должна обшить жениха бѣльемъ и принести три пары. Рукобитье кончилось тутъ же, а сговору быть въ то воскресенье. Въ задатокъ столовыхъ Онисимъ получилъ отъ свата Михайлы цѣлковый.

— Ну, доцынька, сказалъ Онисимъ, воротившись домой съ базару: — ну доцынька, рядись; женишокъ есть; я тя просваталъ; въ воскресенье сговоръ, а по рукамъ мы ужь ударили; ладно, что ли?

— Цаво ладно, отвѣчала она: — по рукам бито, да ладно ли! цаво я знаю, ладно ль, коли не сказываешь зенишка–то!

Замѣтимъ, что въ этой мѣстности, гдѣ восточное оканье сталкивается съ тамбовскимъ аканьемъ, народъ цокаетъ. Непонятно, откуда говоръ этотъ зашелъ въ эту межеумочную полосу; кажется, это устроилось, чтобъ сгладить хотя нѣсколько рѣзкость такого перехода. И народъ здѣсь какой–то переходный: промысловъ нѣтъ, пахари посредственные, охотно занимаются тряпичнымъ и тому подобными промыслами; упрямы, но не на тотъ ладъ, какъ чисто–русскій мужикъ, который боится новыхъ порядковъ, опасаясь притомъ и новыхъ поборовъ; здѣсь же теряется вовсе наклонность къ сѣвернымъ расколамъ, основаннымъ, хотя по наружному виду, на привязанности ко мнимой старинѣ, а появляется новая стихія суевѣрства, переходящая далѣе на югъ, въ Тамбовской Губерніи, въ противоположные сѣверному расколу толки молоканъ и хлыстовъ. Но въ Ардатовскомъ Уѣздѣ созерцательная наклонность эта еще умѣренная и ведетъ покуда только къ весьма часто–встрѣчаемому между дѣвками

обѣту безбрачія, почему и устроились здѣсь дѣвичьи общины, и почти при каждомъ большомъ селѣ есть келейныя избёнки, гдѣ живутъ отдѣлившіяся по обѣту отъ родительскаго дома и семейнаго быта дѣвки, которыя, впрочемъ, также въ противоположность сѣвернымъ раскольничьимъ отшельницамъ, большею частью ведутъ жизнь строгую и честную. Давъ однажды такой обѣтъ, дѣвки эти такъ упорны, что ихъ ничѣмъ нельзя отклонить отъ ихъ заблужденія. Онѣ молчатъ, накинувъ темный платокъ на голову и потупивъ глаза, и никакая попытка благомыслящаго человѣка не приноситъ ни малѣйшей пользы.

Итакъ, Авдотья замѣтила отцу, что мудрено ей знать, ладно ли, коли онъ жениха не называетъ, не говоря о томъ, что спрашиваетъ объ этомъ ужь послѣ рукобитья. Она не давала обѣта дѣвства; но обычай этотъ, какъ послѣднее убѣжище отъ нелюбаго жениха, даетъ въ этомъ краѣ дѣвкамъ гораздо–болѣе свободы въ выборѣ. Первымъ дѣломъ, если ихъ

неволятъ замужествомъ, это постращать отца и мать, что дадутъ зарокъ и тогда останутся въ дѣвках на–вѣкъ. Отецъ назвалъ Матвѣя Егорова. Авдотья отвернулась молча и проворчала что–то. Отецъ хорошо не разслышалъ: вѣроятно, догадался; но какъ дѣло ужь было сдѣлано, то и не хотѣлъ ее болѣе спрашивать, въ надеждѣ, что дѣвка уймется, пойдетъ.

Настало воскресенье, день сговора. Пріѣхалъ Михайло съ братомъ и еще кой съ кѣмъ изъ родныхъ; безъ бабъ въ такомъ случаѣ обойтись нельзя. Для почету и приличія повторили рукобитье въ домѣ отца, будто не было ничего на ардатовском базарѣ. При этомъ дочери не было; но когда потребовали ее къ сговору и мать было за нею отправилась, то воротилась одна и объявила, что дочь стыдится и нейдетъ. На мать прикрикнули и, придавъ ей помощницу, отправили снова; но обѣ воротились безъ успѣха, послѣ того, какъ Дуня не далась имъ даже силою, а начинала ревѣть благимъ матомъ, какъ–только брали ее за руки. Пошелъ отецъ, но,

также не рѣшившись втащить ее силою, ради позора, долженъ былъ объявить, что невѣста нейдетъ.

Пошли толки и пересуды, наставленія и совѣты, а дѣло не подвигалось. Женихова женская родня отправилась въ ту половину, гдѣ забилась куда–то Дуня, и истощила всѣ ласки свои, просьбы, обѣщанія, наконецъ усовѣщиванія и угрозы — ничего не помогло: Дуня молчала, либо говорила тому, кто убѣждалъ ее тихо и кротко, глазъ–на–глазъ, что отецъ «бимсы (то–есть бивши, ударивъ) по рукамъ», задумалъ спросить ее: «ладно–ли», что это вовсе не ладно, и она за этого жениха нейдетъ; а коли не дадутъ ей покою, то приметъ обѣтъ и уйдетъ въ келью или въ одну изъ общинъ.

«Что, сватушка» сказалъ Онисимъ, побывавъ еще въ послѣдній разъ у дочери и попытавшись убѣдить ее все тѣми же безуспѣшными доводами, то–есть что она ужь просватана и что ужь бито по рукамъ: «что, сватушка, пришла бѣда, растворяй ворота, а не минуешь; знать, не быть намъ сватами». Но Михайлѣ такой отказъ и на

умъ не шелъ; онъ принялъ его за шутку. «Какъ, не быть сватами? Гляди–ка, а вино мое что, а брага, а пироги, а божанина?» — «Полно бредить, сватъ; кто дѣвку спрашиваетъ — ну, стыдится, такъ Богъ съ нею, пусть уходится, надумается; а мы за свое: мы запьемъ, заѣдимъ — и дѣло крѣпко будетъ. На–ко–сь вотъ, поди сюда, сватъ; вотъ тебѣ напередъ и денежки на столъ, по уговору...» — «Нѣтъ, сватушка, молвилъ тотъ, не возьму я столовыхъ, власть твоя не возьму, и не клади, и не кажи...» — «Ну, инъ послѣ возьмешь, отвѣчалъ Михайло: твоя воля; вотъ, благо отдавалъ тебѣ при честныхъ людяхъ; не за мною дѣло стало; такъ садись, давай бражничать...» — «И этого не хочу, Михайло Митричъ, ей–право не хочу, боюсь!..» — «Экой же ты какой, сватъ Онисимъ! да не домой же мнѣ везти угощенье — образумься. Что вы это съ дочкой за порядки урядили? Ну, плюнь на нее, брось. Что дѣвка смыслитъ? попъ свяжетъ, не то скажетъ; теперь пора, тогда будетъ иная. Садись, пей».

Такимъ–образомъ сговоръ этотъ былъ отпразднованъ порядкомъ небывалымъ — безъ невѣсты. Когда гости поразгулялись, то сдѣлано было еще нѣсколько попытокъ вызвать ее, но послѣдняя попытка кончилась тѣмъ, что Дуни ужь не нашли: она ушла къ кому–то на деревнѣ и скрылась. Пирушка кончилась своимъ порядкомъ, говоръ мужиковъ заглушался крикомъ и визгомъ бабъ, пѣсни въ разнопрядъ покрывали и то и другое; смерклось; цаловались, обнимались, о деньгахъ на столъ позабыли, а поздно вечеромъ разошлись и разъѣхались по домамъ.

Проспавшись, Михайло назвалъ брата Матвѣя дурачкомъ, тетеркой, когда тотъ усомнился нѣсколько въ томъ, полно женихъ ли онъ Дуни, а она ему невѣста ли. Михайло не видѣлъ во всемъ дѣлѣ этомъ никакихъ помѣхъ и никакихъ сомнѣній: «рукобитье было, еще и дважды; сговоръ былъ; невѣста, правда, не вышла, застыдилась, да это ужь не отъ насъ, а отъ нихъ» говорилъ онъ: «а всѣ станутъ

стыдиться, такъ намъ и невѣстъ не видать. Деньги на столъ надо еще отдать ему, а не хочетъ, и на то его воля. Свадьба черезъ воскресенье — такъ попъ велѣлъ».

Въ Кармалейкѣ, между–тѣмъ, Онисимъ съ хозяйкою своею повременамъ толковали о томъ, какъ теперь быть и что будетъ, и обращались къ Дунѣ не то съ просьбой, не то съ приказаніемъ: «Доцынька матушка, иды!» — «Не пойду», отвѣчала она. — «А пошто не пойдешь?» — «А по то не пойду, что съ Матвѣемъ жить не хоцу». — «А по што съ Матвѣемъ жить не хошь?» — «Не хоцу». — «А по што не хошь?» — «Уйду въ обцыну (общину)». Эта острастка зажимала ротъ родителямъ; дѣло ни туда, ни сюда, а время шло впередъ.

Въ первое за тѣмъ воскресенье, разносваты мои опять столкнулись на базарѣ въ Ардатовѣ, и Михайло тотчасъ сталъ сзывать, кто изъ своихъ былъ тутъ, заставляя Онисима, по уговору, поднести восемь косушекъ вина, да купить калачей. Онисимъ–было на попятный, объявивъ еще разъ, что доцынька нейдетъ, ни за што

нейдетъ, и, доставъ задаточный цѣлковый, стоялъ и кланялся передъ Михайломъ, чтобъ онъ его принялъ и дѣло бросилъ. Но Михайло такого шума надѣлалъ, что весь базаръ сбѣжался; обращаясь къ толпѣ и чествуя ее добрыми людьми, онъ разсказывалъ въ нѣсколько пріемовъ, что вотъ онъ у Онисима дочь засваталъ за меньшаго брата, что ужь и пито и по рукамъ бито, и сговоръ былъ въ то воскресенье, и задатокъ на столъ отданъ, и на сговорѣ онъ истратился да исхарчился, а теперь Онисимъ пятится. Общій голосъ укора обратился на Онисима; всѣ стали говорить, что такъ дѣлать негодится, что добрыхъ людей безчестить нельзя, и прочее. Оправданія его, что онъ не отказываетъ, да доцынька нейдетъ, никто не слушалъ, и Михайло, продолжая громко и звучно повторять одно и то же, приступалъ настоятельно къ разносвату, чтобъ угощалъ. Тотъ растерялся, не зналъ, какъ отдѣлаться, купилъ вина и калачей. Михайло досталъ кошель и сталъ додавать ему столовыя; но отъ нихъ Онисимъ опять

отказался на–отрѣзъ, замахалъ руками и убѣждалъ его принять обратно задатокъ, чего Михайло не хотѣлъ и слышать, а повторилъ, что свадьба въ то воскресенье, что такъ попъ велѣлъ, что они пріѣдутъ поѣздомъ за невѣстой для отвоза молодыхъ въ приходскую церковь, въ Кужендеево, а имъ, отцу и матери, между–тѣмъ, ѣхать прямо въ Журелейку и тамъ ожидать молодыхъ и столъ. «Не пойдетъ она, доцынька!» повторялъ робко Онисимъ, обнялся и простился со сватомъ, и разъѣхались по домамъ. На недѣлѣ Михайло еще–таки, для приличія, послалъ отъ себя боярина въ Кармалейку, заявить Онисиму весь порядокъ этотъ; бояринъ воротился съ тою же вѣстью, что нейдетъ–де невѣста, но Михайло только кивнулъ головою и принялся готовить угощеніе. Четыре пуда солоду переварено было на брагу; куплено шесть пудовъ говядины, за которою нарочно ѣздили въ Ардатовъ; заготовлено пироговъ разныхъ родовъ, вина — всего, по условію, слишкомъ на 50 р. асс.

Не заставило себя ждать и воскресенье; шумный поѣздъ жениха поднялся въ Журелейкѣ, въ праздничныхъ кафтанахъ и сарафанахъ, въ лентахъ, съ индюшичьими перьями на шляпахъ; двое верховыхъ очищали дорогу; все это принеслось ранымъ–рано въ Кармалейку, гдѣ незамѣтно было ничего праздничнаго. Онисимъ, послышавъ шумъ и гамъ и звонъ глухарей и гармотунчиковъ, высунулся, въ испугѣ, въ окно и, увидавъ поѣздъ, завопилъ: «топерица пропала моя головушка!» Хозяйка металась туда и сюда, не зная, что дѣлать, а Дуня забилась на подволоку. Старъ и малъ высыпали на улицу и со всѣхъ сторонъ направились къ избѣ Онисима.

Дружки соскочили съ лошадей и стали громко стучать кнутовищами въ ворота, приговаривая, что охотники слѣдили куницу и выслѣдили ее до подворотни этого дома, и проч. Ни отвѣта, ни привѣта! Поглядѣвъ другъ на друга и на поѣзжанъ, дружки вошли, не дожидаясь обзыву, и застали хозяина, неодѣтаго, въ дверяхъ избы; тутъ

стоялъ онъ въ раздумьи, не зная, что начать. «Ништо такъ принимаешь ты званыхъ гостей?» спросили тѣ, также остановившись въ недоумѣніи. — «Простите, не взыщите» началъ тотъ, цокая: «доцынька нейдетъ; что хотите, то и дѣлайте, власть ваша — нейдетъ.»

Дружки вышли, говоръ пошелъ по всему поѣзду, и Михайло расходился. Онъ самъ пошелъ въ избу, но, не могши добиться ничего отъ Онисима, сталъ–было вызывать поѣзжанъ, чтобъ идти въ домъ, отъискать и взять невѣсту и обвѣнчаться, потому–де, что дѣло это кончено и что убытки позади, а безчестье впереди. Но тутъ вступились всѣ кармалейцы и напередъ всего бабы: всѣ объявили, что этого не водится и что силою не дадутъ они взять невѣсты. Долго еще стоялъ на улицѣ поѣздъ, долго еще кричали и шумѣли; Михайло выходилъ изъ себя, оралъ громче всѣхъ, не хотѣлъ слышать никакихъ причинъ и доводовъ, но долженъ былъ наконецъ поворотить оглобли и въѣхать въ Журелейку тихо и скромно, для чего весь поѣздъ разбился врознь и каждый

въѣзжалъ по–себѣ, стараясь укрыться отъ общаго вниманія поселянъ. Само–собой разумѣется, что глухари и балабончики дорогою были сняты.

На другой день Михайло отправился въ приказъ, взявъ съ собою кого нужно было въ свидѣтели, и принесъ жалобу на убытки и на безчестье. Еслибъ онъ разсказалъ дѣло въ двухъ словахъ, какъ оно было, то–есть, что дѣвка отказала и нейдетъ, то, вѣроятно, и старшины разсудили бы по правдѣ, какъ прочіе міряне, что неволить нельзя, коли добромъ не сладятъ и коли дѣвка больно упряма, потому–де что и попъ неволей вѣнчать не станетъ; а въ убыткахъ, кромѣ задаточныхъ, которыя воротить, Михайло самъ виноватъ, по своему упорству; онъ загодя зналъ, что невѣста отказала на–отрѣзъ, а настаивалъ упрямо и дѣлалъ всѣ приготовленія. Но здѣсь вышло не такъ: головы не было, а изъ двухъ наличныхъ старшинъ одинъ былъ журелейскій и въ родствѣ съ Михайломъ; этотъ же разсказалъ дѣло по–своему и тѣмъ ввелъ и старшинъ въ кривой толкъ и

въ грѣхъ; онъ всю жалобу свою приносилъ на Онисима, который–де просваталъ, запилъ и сговорилъ дочь, а теперь не отдаетъ ея, чѣмъ изубытчилъ и обезчестилъ его.

Послали за всей семьей въ Кармалейку, и когда она явилась въ приказъ, то приказывали Онисиму настоятельно отдать дочь. Никакія объясненія его, что онъ и не отрекается, да доцынька нейдетъ — не помогали. «Коли не отдашь дочь, то уплати сейчасъ всѣ убытки Михайлы, да заплати двадцать рублей ассигнаціями безчестья». — «И этого не хочу!» кричалъ расходившись Михайло: «а отдай онъ дочь, дочь запитую, сговоренную, отдай». Онисимъ съ женою кланялись, предоставляя Михайлѣ брать дочь, коли она пойдетъ. А она стояла спокойно и только на вопросы старшинъ отвѣчала: «не пойду». Онисимъ выложилъ на руку задаточный цѣлковый, да прибавилъ еще къ нему четвертацокъ, и упрашивалъ Михайлу принять это и отпустить его; Михайло плевалъ и отворачивался. Наконецъ

самоуправные старшины присудили посѣчь Онисима и тѣмъ заставить упрямую дочь согласиться. Но и эта попытка не удалась: «Матушка доцынька, иди!» кричалъ бѣдный Онисимъ. — «Батюшка, потерпи!» отвѣчала она: «тебѣ мало терпѣть, а мнѣ вѣкъ маяться». Пробившись попусту, старшины кончили тѣмъ, что велѣли Онисиму все–таки отдать дочь за Матвѣя, потому–что она ужь запита, и сговоръ былъ, и попъ велѣлъ вѣнчаться; если же не отдастъ, да въ три дня не уплатитъ всѣхъ убытковъ и безчестья, то опять накажутъ, въ приказѣ, всей семьей. По окончанiи всего разбирательства и суда, наѣхалъ и голова, мужикъ порядочный, но слабый и состоявшiй всегда подъ влiянiемъ другихъ. Онисимъ къ нему. Услышавъ, что дѣло уже кончено безъ него, голова не захотѣлъ прекословить, замялъ жалобу о томъ, что Онисима наказали самоуправно за то, что дочь его нейдетъ за Матвѣя, убавилъ только на нѣсколько рублей безчестье, которое правилъ съ него Михайло, а остальное утвердилъ.

Пришедши домой, Онисимъ спросилъ: «Что жь мы теперь дѣлать станемъ? Пойдешь, что ли, Дуня?» — «Не пойду». — «А пошто не пойдешь?» — «А по то, что съ Матвѣемъ жить не хочу». — «А пошто не хошь, Дунька? А я гдѣ возьму эку суйму денегъ, убытки да безчестье платить? этого у меня нѣтъ за душой; цетвертацокъ давалъ — не берутъ; что дѣлать станемъ?» — «Иди къ управляющему въ городъ», сказала Дуня: «вотъ, что; не то я сама пойду». — «Ой–ли?» — «Право, иди; неужто нашего дѣла не разсудятъ? Ну тебѣ, батюшка, пусть и по дѣломъ маленько досталось, вѣдь не больно посѣкли, пошто было чужу душу кабалить, да запимсы спрашивать — «ладно ли»? а такого нѣтъ православнаго закона, чтобъ замужъ неволить».

Онисимъ взялъ шапку, да четвертачокъ, который сулилъ за безчестье, на дорогу, и пошелъ. Забавенъ былъ разсказъ его, когда онъ приносилъ жалобу, и все снова обращался къ тому, что онъ упрашивалъ: «поди, доцынька», а она отвѣчала: «терпи

батюшка, тебѣ не сколько терпѣть, а мнѣ вѣкъ маяться».

Рѣшеніе состоялось такое:

Приказный староста Савуновъ и добросовѣстный Якимановъ наказали самовольно и притомъ напрасно крестьянина Онисима Егорова. Голова Мироновъ зналъ объ этомъ, не донесъ начальству и оказалъ самоуправству этому потворство. За это Савуновъ и Якимановъ отставляются отъ должностей своихъ, съ запиской въ штрафную книгу и съ лишеніемъ права голоса на сходкахъ; головѣ дѣлается строгій выговоръ; всѣмъ троимъ уплатить тотчасъ Онисиму за обиду каждому по полному годовому окладу податей съ одного тягла, то–есть по 11 р. 32 к. сер. О случаѣ этомъ объявить въ острастку по всѣмъ сельскимъ приказамъ.

Онисимъ не вѣрилъ своему счастью. «Вотъ, доцынька, какія деньги Богъ далъ, и во снѣ мы съ тобой ихъ не видали! Вѣдь это, дай Богъ здоровье нацальнику, мы съ тобой заработали!» — «Нѣтъ, не мы» отвѣчала та, смѣючись: «вся работа твоя

была, батюшка; ты заварилъ кашу, ты и выхлебалъ. Вся моя работа была, что я не послушалась неразсудливаго приказанія твоего: не пошла за Матвѣя, да надоумила тебя идти къ управляющему».

В.ДАЛЬ